

Наукове життя

СОЦІАЛЬНА ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ СОЦІОЛОГІЇ: АКТУАЛЬНІ ВИКЛИКИ («круглий стіл» «Соціальна відповідальність соціології: актуальні виклики» в рамках ХІХ Міжнародної наукової конференції «Харківські соціологічні читання»)

«Круглий стіл» «Соціальна відповідальність соціології: актуальні виклики» відбувся 5 листопада 2015 року в рамках ХІХ Міжнародної наукової конференції «Харківські соціологічні читання». Організаторами «круглого столу» виступили Соціологічна асоціація України та соціологічний факультет Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серед учасників «круглого столу» були провідні соціологи України, студенти та аспіранти, керівники соціологічних служб, журналісти. У фокусі уваги присутніх були питання соціальної відповідальності соціології у сучасному світі, професійної солідарності соціологів, академічної свободи та свободи слова в цілому. Тексти виступів учасників «круглого столу», що представлені нижче, надаються на мові оригіналу.

Round table «Social responsibility of sociology: current challenges» was conducted on 5th of November 2015 within the framework of XIX International scientific conference «Kharkiv sociological readings». The round table was organised by Sociological association of Ukraine and Sociological department of V.N. Karazin Kharkiv national university. Participants of round table are represented by leading sociologists of Ukraine, PhD students, students, principals of sociological service organisations, journalists. The main focus of discussion was the questions of social responsibility of sociology in contemporary world, professional solidarity of sociologists, academical freedom and freedom of speech in general. Texts of talks are giving in the original languages.

«Круглый стол» «Социальная ответственность социологии: актуальные вызовы» состоялся 5 ноября 2015 года в рамках ХІХ Международной научной конференции «Харьковские социологические чтения». Организаторами «круглого стола» выступили Социологическая ассоциация Украины и социологический факультет Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Среди участников «круглого стола» были ведущие социологи Украины, студенты и аспиранты, руководители социологических служб, журналисты. В фокусе внимания присутствующих были вопросы социальной ответственности социологии в современном обществе, профессиональной солидарности, социологов академической свободы и свободы слова в целом. Тексты выступлений участников «круглого стола», представленные ниже, подаются на языке оригинала.

Модератор «круглого столу» – Сорока Юлія Георгіївна, доктор соціологічних наук, доцент, професор кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Учасники дискусії:

Бабенко С. С. – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціальних структур та соціальних відносин Київського національного університету імені Тараса Шевченка;

Бакіров В. С. – академік НАН України, ректор Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, Президент Соціологічної асоціації України;

Головаха Є. І. – доктор філософських наук, заступник директора Інституту соціології НАН України;

Катаєв С. Л. – доктор соціологічних наук, професор кафедри соціології та соціальної роботи Класичного приватного університету

(м. Запоріжжя);

Кізілов О. І. – кандидат соціологічних наук, завідувач кафедри методів соціологічних досліджень Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Кононов І. Ф. – доктор соціологічних наук, завідувач кафедри соціології Луганського національного університету імені Т. Г. Шевченка;

Куртсейтов Р. Д. – кандидат соціологічних наук, декан історичного факультету Кримського інженерно-педагогічного університету;

Легеца С.В. – кандидат історичних наук, доцент кафедри теорії та історії соціології Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара;

Ніколаєвська А. М. – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Середа В. В. – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології Українського католицького університету (м. Львів);

Сінаюк О. О. – директор компанії Нью Імідж Груп;

Філіппова О. А. – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна та інші.

Сорока Ю. Г.: Соціальні науки по-різному долають виклики сучасної ситуації в Україні. Так, наприклад, психологи нароцують авторитет своєї науки, навчаючи переживати стреси, налагоджувати стосунки, протистояти мові ворожнечі тощо. Натомість соціологи отримують звинувачення в маніпулюванні суспільною думкою. Обговорення в професійному колі цієї ситуації обмежується методичними та організаційними питаннями проведення опитувань на неконтрольованих урядом України територіях. Але проблема має формулюватися набагато ширше: як зупинити втрату суспільної довіри до соціології, повернути її соціальне визнання. Необхідно визначити актуальне розуміння ставлення української соціології до суспільства, і ключовим тут має стати питання про соціальну відповідальність соціологів. Наш «круглий стіл» був ініційований для обговорення таких питань. Як ситуація революції та військових дій визначає місце соціології та соціологів в українському суспільстві? Яке місце отримують результати соціологічних досліджень в актуальній ситуації символічної боротьби в нашому соціумі? Хто є адресатом інформації, отриманої завдяки соціологічним дослідженням, що здійснюються сьогодні в Україні? Як якісна та кількісна парадигми відповідають на попередні питання? Чи можлива публічна

соціологія в умовах революції та військових дій в Україні? Якими є стосунки української соціології та громадянського суспільства? Як в умовах соціальної нестабільності змінюються стосунки вітчизняної соціології та держави? В чому полягає сьогодні громадянська позиція дослідниці / дослідника? Як соціальні інтереси груп та категорій людей, яких ми досліджуємо, впливають на тему й стратегії дослідження? Як соціологічна інтерпретація ситуації в суспільстві пов'язана з актуальними ідеологічними дискурсами та кордонами легітимності, що ними встановлюються?

Звернення до рефлексії соціальної відповідальності соціологів зумовлено специфікою ситуації в Україні останніх двох років, а саме: масовими проявами громадянської непокори, анаксією територій, військовими діями, що спричинили жертви серед мирного населення та масове переміщення людей.

В цій ситуації соціологічні дослідження, сама їхня можливість опинилися під загрозою не тільки у зв'язку з відсутністю релевантної соціально-демографічної інформації про певні території, зниженням доступності респондентів, їхнім небажанням брати участь в опитуванні чи неможливості гарантувати безпеку інтерв'юєрів. Про це наші високоповажні колеги дискутували минулого травня на конференції в Київському національному університеті імені Тараса Шевченка. Суспільний розголос, який отримали ситуація з опитуванням на території анексованого Криму в січні 2015 року¹ або публікація «Луганськ: спекотне літо 2014 року»², які, здавалося б, мають суто професійне, вузьке значення, свідчить, що справа не обмежується методичними та організаційними питаннями проведення досліджень на неконтрольованих урядом України територіях.

Маємо фіксувати певну невідповідність української соціології актуальним запитам суспільства та кризи легітимності соціології. Не витримує сучасних викликів позиція об'єктивного, неупередженого спостерігача суспільного життя, яка залишається найпоширеною рамкою бачення соціологами свого місця в світі. Її похідною є позиціонування соціології в стосунку до держави як інстанції-замовника соціологічної інформації для науково обґрунтованого управління та, з іншого боку, в стосунку до індивіда, пересічного громадянина, простої людини як до джерела інформації, об'єкта для вимірювання.

1 Йдеться про дослідження, здійснене компанією GfK Ukraine (див. про це докладніше <http://ua.krymr.com/a/26832473.html>).

2 Публікація в журналі «Соціологія: теорія, методи, маркетинг» (№ 3, 2015 р.) матеріалів «круглого столу», проведеного 9 січня 2015 р. у м. Луганськ

Але держава вже не та, що була на світанку інституціоналізації демократичних інститутів, коли за допомогою соціології легітимувала «громадську думку», щоб потім людей привчити ходити на вибори. У неоліберальному світі загальне благо не є державним взірцем, а олігархи на вищих позиціях державного управління тільки закріплюють це переконання. Держава, влада, можновладці в сучасній Україні прагматично ставляться до соціології, звужуючи її місце до маркетингових досліджень та екзит-полів, тому соціологію свого часу й було викреслено з переліку нормативних дисциплін, і тим більш показовим є повернення до нього політології.

Це призводить і до змін у ставленні пересічних громадян, простих людей до соціологів (перш за все до інтерв'юєрів, але до й голосу соціологів в медіях). Вони не схильні довіряти соціологам, які ставлять перед ними питання не від себе, нав'язуючи значущість певного контенту (наприклад, імена кандидатів на виборах), примножуючи та поглиблюючи відчуження. В цьому контексті надзвичайно перспективними для застосування у поясненнях є концепт дискурсивної влади та загалом постструктуралістська методологія, яка в епістеміологічному плані ґрунтується на відмові від жорсткого поділу суб'єкта та об'єкта дослідження. І ті з нас, хто відчув на власному досвіді вплив ситуації останніх двох років (мобілізація, вимушене переселення тощо), дуже добре розуміють, що означає бути одночасно як суб'єктом, так і об'єктом дослідження, поділяти з інформантами травматичний досвід.

Але ми маємо наголосити й на перевазі соціології. Маю на увазі її можливість бачити соціальну неоднорідність, розуміти її незнищенність, неможливість звести позиції соціального простору до однієї, як і неможливість тоталізувати соціальні диспозиції, уявлення про світ. Як за тоталітарних, так і за демократичних часів будь-які соціально значущі ознаки та якості є соціально розподілені, суспільство неоднорідне, і в цьому – джерело розвитку суспільства, а також підстава соціальної та символічної боротьби. Нашим багатством, нашою – соціологів – силою є можливість це усвідомити та довести іншим, перш за все громадянському суспільству, і через це бути затребуваними. Бо соціологія дає індивіду чи групі бачення світу поза межами повсякденного уявлення, поза кордонами владного світосприйняття.

Перед нами стоїть необхідність усвідомити владу, якою ми володіємо в суспільстві, не приховуючи її за волею замовників інформації або процедурними вимогами, усвідомити власну діяльність як участь у символічній боротьбі за створення легітимного образу світу,

і саме з цієї позиції обирати методологію та формулювати тематику досліджень.

Головаха Є. І.: Об ответственности: она действительно велика, ответственность в том, чтобы это общество окончательно не расколосось и не развалилось. И в русле этого, собственно, и стоит вопрос о том, как нам относится к тем вызовам, с которыми социологи сталкивались уже не раз и будут еще не раз сталкиваться. Хотел я начать с проблемы академической солидарности. Солидарность применительно к ученым – это очень сложная категория, поскольку нет другой такой профессиональной группы, у которой столько оснований быть расколотыми. Все вы это понимаете: и карьерные соображения, и школы разные, и ресурсы разные. Научный мир, по идее, должен был бы расколотиться на враждующих индивидов, и «Bellum omnium contra omnes». Казалось бы, спасает то, что у всех есть одна общая ценность – это истина, можно всем пренебречь, поскольку мы – искатели истины. Это могло бы быть правдой, если бы это касалось естественных наук. Но что есть истина в социальных науках? Честно говоря, никто не знает. Это назвали мягким словом мультипарадигмальность, плюрализм. А, оказывается, у гуманитариев даже истина у каждого своя: у каждого направления социологии есть свое представление о том, что есть истина. И, оказывается, даже истина нас не может объединить. То есть мы, казалось бы, органически обречены на внутреннюю вражду друг с другом. Единственное, что есть у нас – это академическая свобода, свобода слова и свобода мысли. Это то единственное, за что мы можем держаться: за право мыслить, а, соответственно, существовать, как говорил Декарт. И вот это право у нас сейчас хотят отнять, посеяв страх в обществе, страх среди наших коллег.

Продолжая о солидарности. Солидаризироваться невозможно просто так: всегда люди солидаризируются или вокруг идей, или вокруг каких-то конкретных людей. Нельзя солидаризироваться абстрактно: давайте мы будем солидарны, потому что нам всем плохо. Надо иметь источник, и тогда возникает вопрос: а вокруг кого? Хочу процитировать Илью Федоровича Кононова: «По моему глубочайшему убеждению, свобода научных исследований и неразрывно с ней связанная свобода слова – это высочайшие ценности. Это святыни, на которые нельзя покушаться. Я никому не навязываю свою точку зрения, но не позволю, чтобы и мне навязывали. ... Если Украина станет пресекать эти демократические свободы, это будет знаменовать не просто откат назад. Это будет знаменовать поражение Революции гідності».

Так вот, я вам хочу сказать: наша ответственность – в интеллектуальной честности и в том, чтобы всегда поддерживать в обществе не сильных, а слабых. Сейчас слабы люди, выброшенные жизнью, потерявшие работу, квартиру, мечущиеся по нашей или по чужим странам. Наша ответственность в том, чтобы всегда быть на стороне слабых, в любом обществе. Мы сильные, мы устроенные, а они – выброшенные жизнью. А знаете, кто такие сепаратисты? Это те, которые говорят, что нужно отделить Донбасс. Вот это сепаратисты. Что надо стену построить, они совсем не патриоты. Они должны стать ответственными за свои поступки, они должны стать хотя бы компетентными и знать хотя бы правила своего министерства и хотя бы читать те тексты, на которые они пишут вот такие тексты. Это трудно, но это наша работа.

Катаєв С. Л.: Я думаю, что мы не должны останавливать свои исследовательские усилия по изучению Донбасса. Дело в том, что, говоря социологическим языком, определение ситуации жителей Донбасса и жителей остальной Украины совершенно разное. У нас не совпадают определения ситуации. Но мы знаем из теории, что определение ситуации определяет реальное поведение. Поэтому надо задать вопрос социологам: а как определяют ситуацию жители Донбасса? И в этом случае, может быть, для нас есть смысл провести коллективное исследование (потому что единолично это невозможно сделать) под условным названием «Феноменология Донбасса». Мы должны изучать тексты сепаратистские, тексты, которые произносятся внутри зоны АТО, другие тексты, но рассматривать их как исследовательский инструмент, как исследовательский материал для контент-анализа, для контекстуального и других видов анализа. Но нам нельзя изучать Донбасс, исходя из нашего определения ситуации, невозможно. И в недооценке этого как раз кроются причины ситуации, которая сложилась вокруг журнала. Социологи рассматривают позицию других людей именно для того, чтобы знать их точку зрения, их представления и, исходя из этого, прогнозировать поведение, делать аналитические заключения о том, что можно ожидать, как поведут себя люди. И в этом плане, я думаю, мы не должны останавливать свои исследования Донбасса и, может быть, Илья Федорович возглавит эту исследовательскую группу по феноменологии Донбасса с тем, чтобы мы могли знать, с кем мы имеем дело, и предвидеть развитие событий.

Кононов І. Ф.: В силу того, что я был участником «круглого стола», материалы которого были опубликованы в журнале «Социология,

теория, методы, маркетинг», хочу сказать несколько слов. Я участвовал по электронной почте, потому что не мог присутствовать в Луганске. Всех участников «круглого стола» я знаю лично. Мой псевдоним там – Александр Костомаров. О других я говорить не буду, потому что есть люди, которые живут в Луганске, для них это реально опасно. Сразу же скажу: то, что написал Лопата (а он очень критически отзывался о действиях украинской власти), очень спорно. Но он имеет, подчеркиваю, имеет на это право. Основная проблема, на мой взгляд, в следующем. То, что мы видели в Луганске в четырнадцатом году, резко расходится с той официальной историей, которая уже преподается в школе. Эту историю создали идеологически, для манипулятивных целей. Вот это и побудило обществоведов (участвовали в «круглом столе» философы, юристы, социолог) к проведению этого «круглого стола». Следует рассмотреть ситуацию после публикации материалов «круглого стола» как социальный эксперимент. Появился текст, который не вписывается в официальный дискурс, и как только этот текст становится доступным, академический журнал обвиняют в сепаратизме, а параллельно – и его редакционную коллегию. Характеризуя действия журналистки, хочу использовать термин «стадная журналистика», термин американской социологии. Речь идет о распространении информации без надлежащей проверки. Я хочу сказать, что это достаточно тревожный симптом, и нам необходимо обратить на это самое серьезное внимание. Поэтому я абсолютно согласен с Евгением Ивановичем, и считаю, что мы должны выразить ему благодарность за то, что он вел себя очень спокойно, говорил аргументированно и взвешенно.

Мы, коллеги, здесь не просто выступаем за «честь мундира». Задача тут в другом. Задача в том, чтобы перед обществом постоянно держать зеркало и чтобы общество постоянно видело, какое оно в этом зеркале. Не каким оно хочет выглядеть, а какое оно на самом деле. И в этом, действительно, и есть научная честность, это – самое главное для социолога. А что касается положения социологии, то поскольку мы живем на периферии мировой капиталистической системы, ее проблемы предстают перед нами в более остром виде, проблемы, характерные для нее в целом.

Влияние социологии, к сожалению, падает во всем мире. Это отдельный вопрос, на который стоит обращать внимание. Тут тоже мы наблюдаем некоторое колебательное движение. Скажем в 1960-х – начале 1970-х годов мы наблюдали рост значения социологии, и многие выдающиеся экономисты говорили о том, что социология создает контекст для

их исследований. Дэниел Бэлл, например, писал, что нет экономики как науки вне социологии. А теперь мы наблюдаем обратный откат, и это связано с общей идеологией не-олиберализма, которая сейчас, к сожалению, господствует в нашем мире. И дело вот в чем. Общественные науки (во всяком случае те, которые являются, так сказать, опорными науками об обществе) имеют поддержку различных социальных сил. Экономическая наука – это собственники, это руководители производства, и в силу этого экономическая наука не обделена ресурсами. Политические науки, науки о государстве – это правящий класс; он в той или иной мере в центре мировой капиталистической системы и заинтересован в ее воспроизводстве. А что такое социология? Социология в этом плане имеет социальную базу достаточно рыхлую: это гражданское общество, общество в целом. Это, с одной стороны, делает положение социологии более преимущественным, потому что она не представляет партикулярные идеи, она представляет интересы общества. Но, с другой стороны, это означает ее более слабое положение с точки зрения ресурсов. Социологу не стоит ожидать притока больших ресурсов. Если есть такие инвестиции со стороны того же правящего класса, то в отдельные сегменты, например в электоральную социологию. И, к сожалению, эти инвестиции привязывают социологию к интересам правящего класса. Вот в таком духе, я думаю, и следует рассматривать эти вопросы.

■ **Бабенко С. С.:** Размышляя о теме сегодняшнего «круглого стола» и о той проблеме, которую мы сейчас обсуждаем, хотела бы оттолкнуться от того, что сейчас прозвучало. И первый тезис в том, что социология – это зеркало общества. И, фактически, мы ответственны, каким будет это зеркало, насколько оно будет искажать либо отражать то, что действительно происходит в обществе. И здесь очень важны два следствия: во-первых, вопрос обратной связи, которую мы осуществляем с обществом, и во-вторых, это реакция, которую мы получаем от общества на свою работу. От общества через совершенно разных его субъектов: журналистов, публики, представителей гражданских организаций, которых непосредственно касаются наши публикации и результаты исследований. И говорить о том, что, например, профессиональный социологический журнал рассчитан исключительно и эксклюзивно на социологическую публику, в нынешней ситуации невозможно. Актуализирована необходимость знания о том, что есть общество, как оно функционирует, к чему может привести ситуация, которая сложилась на сегодня. В этом и причина такого

широкого общественного резонанса, который получил академический журнал. Хотя очень печально, что внимание было направлено не на прекрасные профессиональные научные статьи, которые были в нем опубликованы.

В этом контексте очень важно подчеркнуть, что наши исследования, результаты которых мы представляем, инициируются двумя интересами. Первый – это интерес заказчика. И здесь очень важна грань между возможностью свободного, объективного поиска и интересами заказчика, который дает нам возможность проводить исследования. А, с другой стороны, – это профессиональный интерес социологов, которые рефлексируют общество и первыми определяют зоны роста конфликтов, проблем, на которые необходимо обращать внимание и для которых необходимо быть зеркалом. Соответственно, для того, чтобы быть социологами и заниматься исследованиями, нам необходимо формировать профессиональную культуру наших потребителей, журналистов в том числе, чтобы они могли корректно и адекватно воспринимать то зеркало, которое мы представляем как результат своих исследований.

Соответственно, для меня этот вопрос переводится в плоскость преподавания социологии, в первую очередь несоциологам, вопрос содержания тех предметов, которые мы преподаем. Мы должны существенно пересмотреть программу того единственного курса, который остается еще курсом по выбору, для того, чтобы создавать запрос на социологическую информацию, на социологическую работу. Не ставить перед собой задачу научить юристов, экономистов, политологов и т.д. проводить социологические исследования. Это абсолютная профанация. А научить их пониманию того, что социологическое исследование, социологическая работа – это высоко профессиональная работа, которую нужно заказывать социологам.

И вторая очень важная часть работы – это работа с журналистами. Работа публичного социолога, который умеет переводить результаты наших исследований на язык публики в общении с журналистами, – это сложная, неблагодарная (часто рассматриваемая академическими социологами как дополнительная нагрузка) работа. У меня тоже был опыт общения с журналистами, и то, что они потом печатают, – совсем не то, что я говорила, интерпретации даются совершенно новые. В связи с этим хочу сказать, что в университете Шевченка два года назад мы открыли совместную с факультетом журналистики специализацию «Социальная журналистика». Я студентам дала такое задание: проанализировать 5-10 публикаций средств массовой информации, которые используют социологические дан-

ные, и проанализировать их в соответствии с «Меморандумом о предоставлении социологических данных». К сожалению, у нас нет украинского аналога; только Российское социологическое общество опубликовало такой меморандум, где прописаны четкие правила, как должны быть представлены социологические данные, результаты социологических исследований. Так вот, у меня порядка 35-ти студентов, каждый проанализировал 5–10 публикаций, то есть фактически они охватили очень большой объем материалов украинских СМИ. И, как выяснилось, не было ни одной статьи, в которой корректно были бы представлены результаты исследования: со ссылкой на источник, по которому можно найти опубликованные данные полностью, с указанием автора и организации, характеристики выборки и т.д. Чаще всего социология предстает в публикациях как жанр «говoreния» об обществе, некое экспертное мнение с референцией к проведенным исследованиям. Поэтому здесь необходима двухсторонняя работа. С одной стороны, мы должны приложить очень много сил к тому, чтобы самим распространять результаты своих исследований в средствах массовой информации. А, с другой стороны, – учить журналистов обращаться корректно с социологической информацией. В рамках программы специализации «Социальная журналистика» мы подготовили Памятку для журналиста, в которой акцентировали на том, как представлять социологические данные. Я думаю, есть смысл ее опубликовать и на сайте ассоциации.

Говоря о ситуации вокруг журнала, думаю, что основной проблемой стал журналистский непрофессионализм, когда эмоциональную реакцию публикует как факт, и это уже как факт перепечатывается другими журналистами без какой-либо проверки, без чтения первоисточника, без комментариев авторов или редколлегии. Это абсолютная журналистская некомпетентность. Также есть момент не очень корректной подачи материалов «круглого стола»: редакторская статья, предваряющая эти материалы, должна была содержать указание на то, что авторы под псевдонимами. Поскольку в академическом журнале всегда есть автор и всегда есть, во всяком случае, ссылка на первоисточник, чтобы мы могли оценивать и соотносить, по крайней мере, знать, кому задавать вопросы. С этой незначительной неточности и начался большой ком проблем.

Легеза С. В.: Так уж получилось, что с мая 2014 года по май 2015 года я был мобилизован. Я не был в зоне АТО. Так уж, видимо, мне повезло, но в остальном очень многие рубежи и особенности места, где может оказаться со-

циолог в армии, прошли передо мной: начиная от госпиталя и заканчивая работой с мобилизуемыми. И здесь, конечно, есть всегда несколько моментов, которые немножко сумбурно, но можно фиксировать. Во-первых, я увидел, насколько сильно мы дистанцированы от реалий армейских будней. Может быть, слава Богу, что дистанцированы. Но осознавать, что жизнь в армии (даже не в зоне АТО, но просто в армии) – это несколько другая жизнь, необходимо. И недостаток вот такого осознания я испытал на себе. Я не служил раньше в армии, на момент мобилизации у меня за плечами была только военная кафедра. Представление об армии до того, как ты туда попадаешь, и пока ты там находишься – это несколько разные истории. Социолог в армии, как я обнаружил, может выступать в нескольких ролях. Понятное дело, это фиксация того жизненного опыта, который я переживаю; того, как этот опыт меняет впечатление о происходящих событиях, «парализует» мое мнение о происходящем в стране и на фронте. Потому что, если есть дистанция от армейской жизни, проще сформировать взгляд на происходящие события, к сожалению. Во-вторых, уровень востребованности социологии в рамках социальной структуры армии минимален. По большому счету, социолог в нынешней структуре армии, во всяком случае в представлении Министерства обороны, как оно есть на данный момент, практически не нужен. Командование осознает, что армии нужны психологи (и они там реально нужны); как ни странно, все еще нужны воспитатели, несмотря на то, что последние два года армия – это не призывники младшего возраста. Так, в батальоне, куда я был призван, средний возраст был 35 лет. Роль социолога в армии может реализоваться на уровне реальных практик, которые предусмотрены служебными формами деятельности. Например, функциями замполита (как это называется), от ротного замполита до работы в мобилизационных комплексах. Я принимал мобилизованных в тренировочном лагере, снимал с них первичную информацию и, соответственно, отсылал ее руководству этого сектора. Им требуется минимальное; это даже не социологические, а статистические данные: средний возраст, количество людей, которые фиксируют себя как пришедших добровольно на мобилизацию, региональный аспект (у нас была Днепропетровская, Харьковская, Сумская, Полтавская, частично Луганская области, откуда тоже людей к нам доставляют). Учитывая то, что это достаточно скучный процесс, поток вот такой информации, в конце концов, я попытался превратить в аналитическую записку для своего непосредственно начальства с какими-то совершенно простей-

шими описаннями. Я також описав, як можливо було б використати матеріали анкет, які заповнювали люди, приходять по мобілізації. «Да, – сказали мені, – здорово, ми і не знали, що таке можна». Тут, напевно, та точка, де можна було б працювати. Але я, признаюся, за рік так і не осознав, як саме це можна забезпечити. Ну от, в двох словах, то, що я хотів сказати.

Середа В. В.: Я спробую відрефлексувати ті питання, які внесені для обговорення на «круглому столі» та прозвучали у вступному слові. Мені здається, що ситуація та дискусія, які виникли навколо публікації «Луганськ: спекотне літо 2014», мала би підштовхнути нас до роздумів про нашу соціологічну спільноту, її ефективність, її фаховість і відкрити новий рівень дискусії про те, як ми справді реагуємо на ті виклики в суспільстві, які сьогодні є. Мені здається, тут можна відокремити кілька рівнів. Перший – це те, що ми насправді маємо теоретичну кризу в тому сенсі, що в більшості випадків оперуємо теоріями, які з'явилися ще минулого, ХХ-го, століття, і ми дуже мало працюємо з теоретичними поясненнями тих явищ, які зараз переживає Україна. Майже ніхто не спеціалізувався на дослідженні цієї кризи. Тобто, в певному сенсі, ми виявилися теоретично неготовими побачити певні явища. Іншими словами, є певні соціальні явища, які відбуваються, а ми їх не бачимо. І, напевно, у суспільства також може виникати відчуття несумісності того нашого «дзеркала» чи погляду на нього, тому що суспільство може бути зовсім інакшим, неподібним, чи не відповідати тим категоріям, в рамках яких ми про нього мислимо.

Другий важливий для мене момент полягає у методології та у нашій чутливості до проблем суспільства. Деколи через обмеження чи через методологічні проблеми ми не чуємо чиїхось голосів, не помічаємо, або не можемо максимально заглибитись у ті чи інші проблеми. Ми лишаємо певні явища чи досвіди нерозкритими для нас. Або ми самі формуємо певні стереотипні уявлення. Тобто, ми стаємо відповідальними за поширення стереотипів, за поширення певних конфліктів чи чорно-білого бачення в суспільстві. Моїм класичним прикладом є поділ України на 4 макрорегіони. Ми не можемо дивитися на обласному рівні, якщо у нас вибірка 1800 осіб, тому що недостатньо кейсів на кожен регіон. Групуємо це на схід і захід, на південь і північ або ще щось і передаючи це через медіа, через політиків, ми сприяємо мобілізації електорату за лініями розламу. Ми самі сприяємо посиленню стереотипних уявлень про те, як поведуться «західняки», «східняки», «галичани», «донбасці», «новороси» чи будь-які категорії, які ми використовуємо.

Також для мене важливими є наступні питання, які я зараз переживаю чи переосмислюю. Соціологи в ситуації кризи, істотних змін у суспільстві й травматичних досвідів не завжди є чутливі до іншого. З'являються модні тренди, наприклад, переселенці, війна, травма. І інколи, купуючись на ці модні тренди чи оперуючи певними категоріями, ми не замислюємося про те, що ми самі формуємо лінії розламу. Що люди, які, наприклад, переїхали і хочуть адаптуватися в суспільстві, два роки залишаються переселенцями. Тобто, якщо хтось переїхав, наприклад, з Дрогобича до Львова і знайшов там роботу, то він не переселенець. Його ніхто не виділяє, не відокремлює, так би мовити, не експонує всьому суспільству і не дивиться, як він поводить себе, погано чи добре. Натомість певну категорію ми представляємо на огляд всьому суспільству і під лупою розглядаємо, а що ж вони роблять, а як вони це переживають. Отже, тут є межа відповідальності і чутливості. З одного боку, ми хочемо допомогти, ми хочемо відповісти на кризу, а з іншого боку – ми цю кризу і теоретизуємо самі провокуємо. Тобто наше дослідження та спосіб, в який ми це робимо, інколи можуть бути зовсім нечутливими, бо ми звикли до окремих типів мислення чи опису явищ. Ми інколи так само кажемо, що лікарі до нас не чутливі, до хворих, які вимагали б співчуття; а вони вже мають професійну нечутливість на якійсь речі.

І останній момент. Мені здається, для початку ми повинні були підняти дискусію в соціології, в нашій академічній спільноті стосовно того, як підняти рівень фаховості. Наприклад, ми не маємо жодного академічного журналу, який би мав закриті рецензування (так, як це є в більшості країн-сусідів). Ми дуже мало говоримо спільною мовою з нашими сусідами. З досвіду викладання я знаю, що мої студенти чи аспіранти мають труднощі перекладання англійською мовою. І коли ти дивишся, що вони там переклали, то думаєш: «Господи, а як же ж ми ладні говорити з нашими сусідами, якщо ми про своє дослідження в десяти реченнях не можемо сказати коректно?». Це означає, що ми лишаємось замкнені самі на собі, на своїх авторитетах, на своїх концепціях чи уявленнях про те, як це має бути, і ми зовсім не налаштовані на діалогічність. Знову ж таки, якщо ми публікуємо результати українською чи російською мовою, люди, які є на Заході, майже нічого не знають про наше дослідження. Дуже сумно, коли ти в Америці читаєш публікації дослідників про те, що відбувалось в Україні, я не знаю там, у 2013–15 рр. І майже нема публікацій та надійних даних, хоча їх є дуже багато від самих українців. Тобто ми дозволяємо світу про нас говорити, як вони це теоретизують чи бачать, і ми не включаємось у цей діалог.

Отже, для мене важливий момент нашої фахової відповідальності – це осмислення того, як стати більш відкритим і як стати ще більш фаховим. І тоді до нас вже не буде ніяких закидів з боку суспільства чи міністрів.

Кізілов О. І.: На самом деле вырисовывается такая проблемная ситуация: есть социология, есть социологическое академическое сообщество. Оно в определенном смысле самодостаточно. У нас есть свои, так сказать, коммуникативные механизмы, у нас есть свои лидеры, у нас есть свои журналы, и мы живем сами по себе. Есть общество, которое мы изучаем и которое тоже живет само по себе. И есть власть, которая тоже живет сама по себе, отдельно. Вот такой треугольник замечательный получается. Отнюдь не любовный. И как же мы связываем сторонами этого треугольника? Посредником между нами оказываются журналисты: они доносят наши результаты и до власти, и до общества. Как они доносят, вы все прекрасно знаете. Поэтому замечательная идея возникла – публичная социология. Ведь общество не то что не готово воспринять наши результаты: они зачастую либо не понимаются, либо не принимаются, либо вообще никому не нужны. Мы вынуждены констатировать, что социологи не нужны власти, ей вполне достаточно иметь результаты предвыборных опросов общественного мнения. Чуть дальше, чуть в сторону, чуть глубже – уже не надо. Получается, что мы на самом деле никому не нужны, кроме самих себя. Потому что это наша профессия, мы за это получаем какие-то деньги, мы должны отстаивать преподавание своих предметов в университетах, иначе вообще не понятно, зачем мы есть.

Совершенно справедливо сказано, что мы должны быть честными интеллектуально. Нужно также говорить о профессионализме, потому что можно быть честным, но не профессионалом. Но, как уже кто-то говорил, честность и профессионализм – это не залог успеха. Залог успеха – это востребованность того, что мы делаем, результатов нашего труда. Если мы это только для себя делаем, для академического сообщества, почитаем друг друга, свое честолюбие удовлетворяем, рейтинг повышаем – это хорошо. А нужно ли это обществу? Ключ – в востребованности социологического знания практиками, востребованности его для социальных изменений.

Куртсейтов Р. Д.: Спасибо за предоставленную возможность выступить. Я очень внимательно слушал всех докладчиков, говоривших о том, что в обществе достаточно низок уровень социологической культуры. Иногда обществу навязываются различные модели

и мнения. Иногда общество не может защититься от разных агрессивных влияний. Вот мы недавно оказались на острове. Крым никогда не был островом: даже во времена Петра I граница проходила по Днепру, отношения экономические и все остальные были свободны. Сегодня мы оказались в ситуации, когда Крым стал островом. Я вот лет десять подряд выписывал журнал «Социология: теория, методы, маркетинг», и только в этом году я его не выписываю. В Крыму практически нет серьезных изданий, где публикуются ведущие социологи, политологи, историки Украины. Наблюдается определенный вакуум. Это касается и тем социологических исследований. Я сегодня ни разу не услышал слово «Крым». А эта территория сейчас в состоянии социального эксперимента, и это нужно исследовать. Представьте: кардинально меняется все, начиная от государства, культуры, методов управления. И как население реагирует на эти процессы. Сегодня, с одной стороны, есть желание проводить социологические исследования по различным срезам, проблемам крымского сообщества, но есть очень много разных ограничений. И если вот здесь, в Харькове, мы свободно обсуждаем проблемы, у нас этого уже нет давно.

Хочу еще сказать о ситуации, в которой оказалось население Крыма. Одни оценивают эту ситуацию по тем пенсиям, которые они якобы там получают высокие. Но кроме пенсий, существует масса других составляющих нашей социальной жизни. И вот к этому очень трудно привыкнуть, конечно. Крымско-татарская часть населения – самая организованная; пропаганда на нас не действовала и не действует. Все 70 лет после 1944 года мы видели, что власть говорила и что она делала. Поэтому нынешние методы пропаганды на нас не подействовали и не могли подействовать. Многие на протяжении вот этих двух с половиной лет находятся в состоянии постоянного стресса. Существует и определенная защитная реакция на эти процессы, когда определенная часть населения по тому или иному признаку попадает под жесткий пресс. И мы, к сожалению, не видим внимания украинского политика к этим проблемам.

И последнее. Приезжают две группы социологов из России проводить исследование (Московский государственный гуманитарный университет и Академия наук), и меня попросили курировать. Они автоматически перенесли российский инструментарий на наше студенчество, не понимают, что здесь совершенно другая ситуация, другие условия. У Украины, может быть, не было денег, но была свобода. И свобода – это самое дорогое, что есть у нас, в том числе в научном отношении. Сейчас мы очень остро переживаем рас-

пад всех научных контактов. Идет тотальный контроль за теми, кто выезжает в «иностранное государство» Украина. Любой человек, ставящий под сомнение территориальную принадлежность Крыма, получает 5 лет. Вот такая ситуация. И поэтому я хотел бы, чтобы украинское социологическое сообщество уделяло особое внимание проблеме аннексированных территорий.

Ніколаєвська А. М.: Я внимательно читала вопросы для обсуждения и поняла, что в общем-то ни на один из них у меня нет какого-то убедительного ответа. Но мое внимание привлекли две фразы: как восстановить общественное доверие к социологии, вернуть ей признание обществу. И сразу же у меня вот такие мысли появились на эту тему: а, собственно говоря, «был ли мальчик», и можем ли мы ставить вопрос о восстановлении доверия и возвращении признания. А были ли они. Я, вероятно, буду сейчас немножко сгущать краски, но уверенность в том, что эти вещи нужно озвучить придает мне мое знание судьбы социологии в нашей стране за последние несколько десятилетий.

Основной вопрос для меня – об имидже нашей науки в массовом сознании. И в советское время, в том числе в период Перестройки, и в период независимости этот имидж формировался с определенной спецификой, под действием определенных факторов. За неимением времени я сейчас, к сожалению, вот этот исторический экскурс совершить не могу. Но что мы имеем, с моей точки зрения, на выходе: в массовом сознании (в лучшем случае) социология ассоциируется с какими-то симпатичными мальчиками и девочками, которые возле метро спрашивают о количестве молока, которое выпивает семья, и количестве памперсов, в которых семья нуждается. Так вот, в лучшем случае для массового сознания социологи – это те, кто «делает» рейтинги перед выборами. А у самих политиков отношение такое, что социологи их периодически обслуживают. Вот, и это вообще-то добровольный шаг. Но, как свидетельствуют события 2004 г. и сегодняшние события, сотрудничество с политиками иногда, вернее, всегда не полезно, а иногда даже опасно для жизни. Политики оказываются людьми очень неблагодарными. Вспомните хотя бы ситуацию с приездом в наш университет Владимира Литвина, когда он был спикером Верховной Рады. Я имею в виду то, как он квалифицировал социологическую науку. Но тогда была удивительная реакция зала, что спасло ситуацию: все загудели осуждающе.

Так вот, возвращаясь к вопросу о нашем имидже: мне кажется, что пока ситуация каким-то образом не изменится, мы не смо-

жем что-то изменить в степени нашего влияния на жизнь общества. Речь не идет о заигрывании с массовым сознанием и с населением. Речь идет о завоевании симпатии, на которую, мне кажется, мы вполне заслуживаем. И что, как я думаю, в этом направлении можно было бы делать. Возродить социологическую публицистику. Сегодня уже говорили о преподавании социологии, об учебниках. Было бы очень здорово, если бы появился новый, действительно популярный учебник по социологии, который во многом помог бы изменить отношение к социологии. И последнее: после предвыборной кампании Королевской у меня появилась мечта поставить памятник Неизвестному респонденту. Потому что в ситуации нашей относительной бесполезности и такой вот репутации то, что респонденты еще отвечают на наши, причем не всегда корректные вопросы, и то, что они идут с нами на контакт, стоит того, чтобы быть увековеченным.

Сінаюк О. О.: Я хотел сказать о том, есть ли сегодня доверие у общества к социологии и есть ли вообще у общества отношение к социологии. Как практик, видя работу каждый день и слушая отзывы интервьюеров об их общении с респондентами, я могу сказать, что общество плохо осведомлено о работе социологов и крайне редко обращает внимание на рейтинги. Их, скорее, воспринимают как агитацию за того или иного кандидата. Что касается доверия/недоверия общества к социологии, скорее всего, есть недоверие в экспертном сообществе и у политиков, политологов. И в этой связи, наверное, необходимо в нашей экспертной среде создавать такую структуру, которая будет контролировать поток информации перед выборами, во время выборов и те рейтинги, которые публикуются теми или иными изданиями. В ситуации с Королевской, когда сравнили наши рейтинги начала июля с рейтингом компании Research trading group и Социс по данным октября, меня пригласили в студию Шустера ответить на вопрос, как все это можно прокомментировать. Важно помнить, что журналистам нужны скандалы, и они это постоянно используют. С другой стороны, наши данные использовал штаб Королевской, с которой я никогда – ни с ней лично, ни с ее штабом – не общался. Есть еще несколько штабов, которые обращались к нам ни один раз для публикации тех или иных данных, но мы им отказывали. Здесь возникает вопрос работы со штабами тех или иных кандидатов и партий. Эта проблема существует, с ними надо работать. Кроме того, в последнее время появилось очень много общественных структур, которые публикуют какие-то данные. И когда их видишь, то понимаешь, какие данные кандидаты озвучивают.

Здесь полная вакханалия. С этим никто не работает; нужен контроль и механизмы работы с этим. Я думаю, что тогда доверие к социологии в обществе будет восстановлено. Со своей стороны, я могу предложить внутри ассоциации создать экспертную группу, которая будет работать с журналистами, воздействовать на журналистскую среду, помогать им выбирать информацию для распространения, исходя из данных, полученных ассоциированными исследовательскими структурами. Иначе мы не сможем противостоять манипулированию данными, рейтингам, к чему прибегают политтехнологи в предвыборных кампаниях на любом уровне – от национального до районного. Вот, я думаю, что проблема в этом, и с этим надо работать.

Філіппова О. А.: Если можно, я буквально три минутки. Я себе записала очень много вопросов, которые хотелось бы обсудить в контексте того, о чем говорилось. Об имидже социологии. Маленький эпизод из моей личной жизни. 2001 год, Париж. Я иду в кинотеатр смотреть фильм «Социология как борьба». Это документальный фильм с участием Пьера Бурдьё. Там он рассказывает о социологии, встречается с жителями Франции, в частности Парижа, в основном с эмигрантами, и в этих встречах он разворачивает свою теорию социального капитала. И это документальный фильм, который демонстрируется в кинотеатрах Франции. Может быть, нам тоже стоит задуматься о том, чтобы, формируя имидж социологии и социолога, создать документальный фильм о том, что такое социология, как она «работает», кто такой социолог и как общество и журналисты должны взаимодействовать с социологом и социологией. И показывать этот фильм на Первом национальном канале и в кинотеатрах Украины, а не только абитуриентам.

Бакіров В. С.: Мне тоже хочется сказать несколько слов. Во-первых, я хочу выразить глубочайшую благодарность Рефику Джаферовичу и его крымским коллегам, сказать слова признательности за то, что, невзирая на ситуацию, вы приезжаете. Вам приехать сюда и выступить – это не совсем то же, что приехать из Львова, из Днепропетровска и даже из Луганска. Это акт гражданского мужества. Мы вас очень поддерживаем и очень ценим, и то, что вы делаете, это очень важно.

Второе, что я хотел сказать. Несколько коротких тезисов. Кто-то говорил сегодня о падении влияния, авторитета социологии, кажется Илья Федорович. Но не потому, что фильма еще не сняли или где-то не так с журналистами поработали. Многие вещи наивно звучали сегодня: больше работать с журна-

листами, снять фильм, и все будет хорошо. С ними работай не работай – ничего не изменится. Потому что есть какие-то глубинные причины падения имиджа социолога, надо искать какие-то глубинные основания этих процессов. Почему престиж социологии, действительно, падает (и не нужно закрывать на это глаза) и не только в Украине, но и в мире? Давайте спросим себя, что происходит? А происходит то, что, как сказал Александр Иванович Кизилов: социологические услуги не востребованы. И ничего ты с этим не поделаешь. И главная причина всех наших проблем в том, что в современном мире, в котором мы с вами живем, социологическая информация никому не нужна. Кроме нас с вами. Мы, конечно, объясняем студентам, что без нее нельзя решить ни одну социальную проблему. Все это так, но на самом деле без нас прекрасно обходятся во всем мире: и в развитых странах, и в менее развитых. А если бы без нас не обходились, если бы были социальные проблемы, которые нельзя было бы решить без социолога, поверьте, к нам бы пришли и попросили эту информацию. Какие-то проблемы есть, безусловно; например, проблемы с мигрантами в Европе нельзя будет решить без социологов. Наши перемещенные полтора миллиона в Украине. Я думаю, что придут к социологам. Но это какой-то отдельный случай, частный, какая-то экстремальная, кризисная ситуация. Но даже в кризисных ситуациях: кто пришел к нам сегодня и попросил: «давайте исследуем проблему, нужен план для переселенцев» и т.д.? Никто. То есть эта информация просто не нужна, не востребована. Возможно, золотой век социологии впереди, когда общество, человечество созреет, когда мы поднимемся на новый уровень развития. Когда возникнут такие сложные, тонко настраивающиеся, хрупкие социальные системы, что без социологии невозможно будет общежитие. Но пока эти социальные системы без нас обходятся, даже не интересуются тем, что мы о них думаем; даже не вникают в наши построения, более сложные или менее сложные. Вот, что я хотел сказать. Просто как вопрос, на который не знаю ответа.

Третье. Если говорить об ответственности, о том, что делать в это трудное время, то я скажу: делать свое дело. Ничего не надо придумывать, мы просто должны делать хорошо то дело, которое мы делаем. Мне очень понравилось выступление Виктории Середы о том, что мы должны давать хорошее социологическое знание, может быть, не совсем то, которое мы сейчас даем. Мы должны давать хорошую теорию, мы должны давать теории, хорошо обоснованные эмпирически, достоверные, качественные. И если социология выйдет на уровень такого знания, тогда оно и начнет

работать и помогать решать реальные проблемы. Мы пока этого, положив руку на сердце, не делаем. Есть у нас более квалифицированные исследования, менее квалифицированные исследования, более хорошие, менее хорошие, журнал, который мы с вами сегодня вспоминали, там прекрасные статьи публикуются. Вот это наша главная ответственность, другой не знаю: беспокоиться о том, чтобы создавать очень хорошую социологическую информацию. В этом плане, мне кажется, что мы абсолютизировали массовые опросы. Но что дадут массовые опросы? Ничего, кроме информации о том, что люди думают, больше ничего. Из того, что люди думают, мы можем понять, как устроено общество, механизм, институты и так далее? Нет. Это всего лишь информация об общественном мнении. Сравним с экономистами: они опираются на эмпирические данные, получают информацию достоверную, проверенную и гораздо более надежную, чем социологическая, которую используют в прогнозах, расчетах, финансовых моделях и т.д. Экономисты используют статистику, математические модели и прочее. Мы же избрали самый дорогой, самый затратный инструмент исследований. И какими бы широкомасштабными и регулярными они ни были, мы там ничего другого не накопим, кроме того, что позволяло нам наши теоретические представления.

Следующий момент: не нужно снисходительно относиться к социологическому «говору». Об этом говорила, кажется, Светлана Сергеевна, что в статьях пока «говору». Социологическое «говору» – это особое «говору». Социолог может даже не опираться на опросы, на выборку и прочее, потому что в этих опросах только мнение людей и больше ничего. А социолог в силу своей подготовки и ракурса своего видения проблемы, опираясь на то, что Ч. Миллс называл социологическим воображением, а З. Бауман – социологическим мышлением, а я еще могу добавить, опираясь на социологическую интуицию, – социолог в состоянии анализировать проблемы. Мы понима-

ем, как связаны индивидуальные биографии и какие-то большие контексты социальной жизни, мы можем общество анализировать в широких контекстах социальной взаимозависимости, опираясь на интуицию, на наблюдение, на личный опыт, на включенность, на понимание, в конце концов. И на качественные методы, которые мы совершенно не используем, а они дешевые, кстати, целесообразные и почему-то мы их практически игнорируем. «Говору» социолога – это не «говору» политического аналитика, который вышел на телевизор и там рассказывает какие-то, так скажем, сплетни, догадки и т. д. Социолог может говорить, опираясь на огромный опыт социологического мышления, накопленный за 200 лет, и обнаружить такие повороты событий социальной жизни, которые не социологу не видны. И в этом плане хочу сказать, что социолог – это не тот, кто диплом социолога получил, а тот, кто мыслит социологически. Это могут быть и физики, и инженеры, и журналисты. И поэтому учиться нужно прежде всего социологическому мышлению.

И последнее, друзья. По поводу ситуации с публикацией в журнале я высказал свое мнение сразу же, как только узнал о развернувшейся дискуссии³. Наше социологическое сообщество показало здесь пример действительно замечательной солидарности. Что нас может объединить? Не истина (в посткласической науке она – понятие условное) и не честь мундира, о чем тоже сегодня упоминалось. Нас просто объединяет ценность свободы слова, академических свобод, и мы уже показали, что мы готовы за них стоять, сражаться и отвечать. Спасибо еще раз.

Сорока Ю. Г.: Шановні колеги! Думаю, для всіх нас можливість обмінятися думками щодо відповідальності соціології та її іміджу в складних умовах сучасного українського суспільства була надзвичайно корисною. Дякую вам всім за участь у нашому «круглому столі».

³ Повний текст повідомлення, про яке йдеться розміщений на офіційному сайті Соціологічної асоціації України за лінком www.sau.kiev.ua